

ЛЁНЬКИНА НАУКА

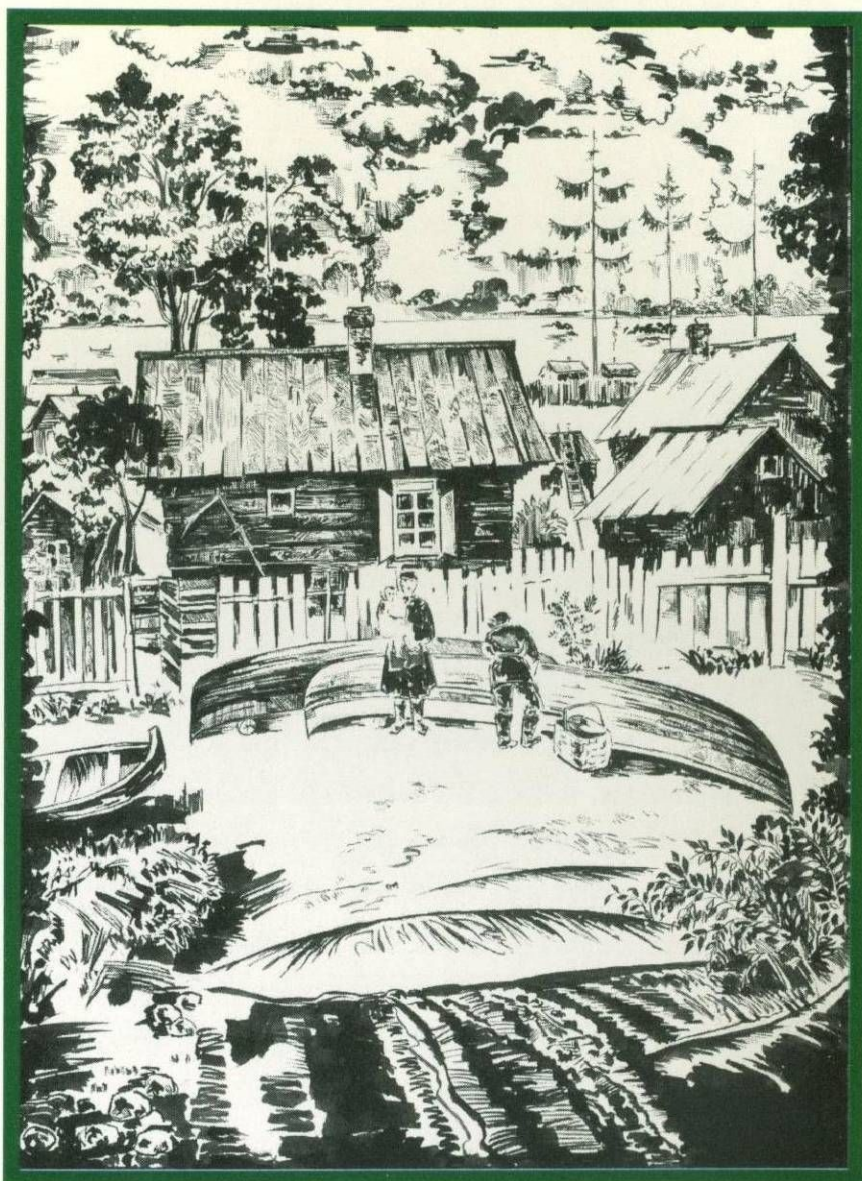
РАССКАЗЫ

ФЛЕГОНТ ПОКАЗАНЬЕВ

К 84 (2100-Рге) 6-4
П 48

Ф.Я.Показаньев

Лёнькина наука

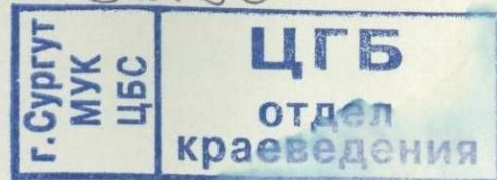
02031790. КР

9000027593

*Рассказы для детей
младшего и среднего школьного возраста*

02031790

Сургут

ОАО «Сургутнефтегаз»
РИИЦ «Нефть Приобья»

2002

15

141-03
15

Любовь к родному краю

Главный герой книги рассказов «Лёнькина наука» — обыкновенный двенадцатилетний мальчик, для которого родное село на берегу большой реки, тайга вокруг него были прекрасным и удивительным миром детства.

«Лёнька рос вольно, как это вообще бывает в северных сибирских деревнях, без особой опеки со стороны родителей и старших — они знали, что с ним ничего не случится». Собственно, это и способствовало развитию самостоятельности и решительности в характере Лёньки и его друзей. И они — эти деревенские мальчишки — уверенно шли по жизни.

В статье «Великая земля», опубликованной в книге «Частное открытие Сибири», автор, известный тюменский писатель и публицист Анатолий Омельчук, пишет: «Проживая своё недолгое земное бытие, мы сами выбираем приоритеты и ориентиры нашей жизни. Познание Родины — удивительнейшая вещь: ты приобщаешься к векам и просторам, историческим пространством возбуждена и озарена твоя душа, и ты постоянно подпитываешься их энергетикой и преодолеваешь одиночество, присущее любому творческому человеку.

Я открывал свою Родину, Сибирь, для себя. Наверное, любой другой откроет по-другому. И, возможно, это будет иная Сибирь. Но наша жизнь — наше частное дело, и открытия, которые мы в ней неизбежно совершаем, — наши частные открытия».

Для маленького героя «Лёнькиной науки» мир открывался через познание красоты природы и нехитrostные наказания деда Никиты, который прожил долгую, нелёгкую жизнь и знал, что оставить в наследство своим близким.

«— Дедушка, расскажи: куда летят гуси?

— Гуси летят домой из жарких стран...

— А почему у них дом здесь, а не там, где жарко?

— У нас хоть не жарко, а здесь их родина. Здесь они несут яйца, выводят птенцов, поднимают их на крыло, а осенью улетають».

Этот диалог любопытного внука и мудрого деда из рассказа «Школа дедушки Никиты» ненавязчиво подталкивает нашего героя к мысли о незыблемости родного дома и всего, что связано с Родиной.

В рассказе «На рыбалке» Лёнька с азартом ловит сетями рыбу. Он внимает всему, что показывает и рассказывает дед Никита во время ночной рыбалки. «Сердце мальчика переполнено радостью». Возвратившись в село, он собирается обо всём увиденном поведать своим друзьям. Особенно о том, как освободили запутавшуюся в их сетях утку. Лёньке так хотелось унести её домой, но дед не позволил: «Она парит, сидит на яйцах, с гнезда уходит раз в день, рано утром. Если мы её возьмём, то погубим утку и утят, которых она высиживает».

Ещё одна заповедь — природа вокруг нас живёт по своим законам, и мы не имеем права нарушать их.

Рассказ «Опасный след» — своего рода продолжение этой темы. Охотничья страсть чуть не привела Лёньку к большой беде. В своей погоне по следу горностая он так увлёкся, что вышел на тонкий лёд озера и оказался... в воде. «Казалось, конец. Обессилевшими и онемевшими руками Лёнька ещё раз зацепился за кромку: нельзя так просто опуститься и пойти под лёд... Утону, и никто не узнает в каком месте. Когда хватятся, начнут искать, по следу, наверное, пойдут. Но ведь я тогда уже утону». И Лёнька выбрался, даже убитого им зайца — охотничий трофей — не бросил. Но после этого случая он понял, что в тайге нужно быть очень осторожным и внимательным. Бесшабашной удали она не прощает.

Наука маленького героя рассказов сургутского краеведа и писателя Ф.Я.Показаньева им не придумана. Автор вырос в небольшом селе российской глубинки, и Лёнькин «мирок деревни, окружённой со всех сторон водой и лесом», — это его личные детские впечатления, а все открытия своего героя он когда-то сделал сам. Они помогли ему в будущем найти своё, достойное место в жизни.

Флегонт Яковлевич Показаньев, автор «Лёнькиной науки», понимал, что, «открывая нашу любимую и многострадальную родину по одиночке, мы открываем её сообща». Он уже в преклонном возрасте написал эти рассказы, ни один раз переделывал, хотел их продолжить, но, к сожалению, не успел.

Ф.Я.Показаньев умер в 1996 году в возрасте 74 лет и похоронен в Сургуте.

Не увидел автор и эту красочную книгу рассказов, изданную большим тиражом и доступную сегодня юному читателю, о чём всегда мечтал.

Так перелистывай страницу, дорогой друг, и знакомься с удивительным миром наших героев — Лёньки и его друзей.

ЛИЛИЯ ПЕТРОВА

Школа дедушки Никиты

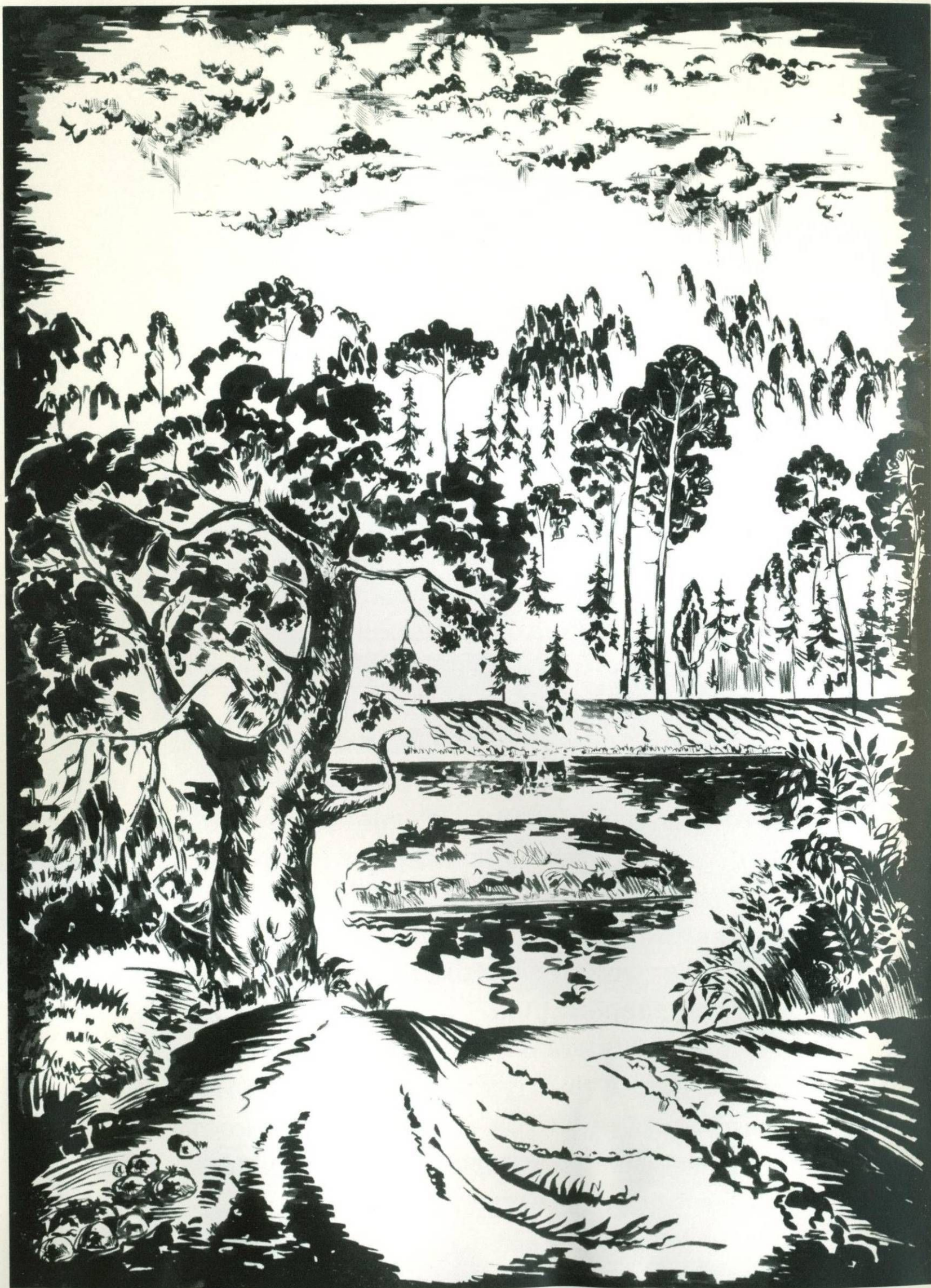
Лёньке десять лет, дедушке Никите — на исходе восьмой десяток. Но они, будучи друзьями, не особенно беспокоились из-за столь существенной разницы в возрасте, а люди не обращали внимания, потому что в деревне это нормальное явление.

Лёнька ростом мал, но коренаст и крепок. Голова большая, круглая. Мать всегда стригла его наголо, чтобы меньше собиралось грязи.

Кругозор Лёньки ограничивался маленьким мирком деревни, окруженной со всех сторон водой и лесом. Что было за пределами досягаемости детского ума, Лёнька ещё не понимал, зато свой мирок знал лучше товарищей. Он был чрезвычайно любопытен и восприимчив, легко постигал занятия старших, быстро усваивал со слов и путём личного наблюдения повадки птиц, зверей, рыб.

Дедушка Никита похож на всех стариков: до желтизны сед, трухляв, глуховат, подслеповат, трясутся руки, плохо слушаются пальцы, ноют кости, болит спина. Никита — обыкновенный деревенский старик, жизнь которого прошла в труде.

Лёнька рос вольно, как это вообще бывает в северных сибирских деревнях, без особой опеки со стороны родителей и старших — они знали, что с ним ничего не случится. Даже мать не слишком боялась, что он утонет или заблудится, хотя мальчик целыми днями находился на реке или в лесу и прибегал домой только поесть, а то и поесть даже не приходил. Конечно, это бывает только в межсезонье, когда закончились весенние полевые работы и не начался еще сенокос, когда ребяташки в деревне — незаменимые работники.

Майские ночи на Оби светлы и коротки. Каждый год, как только растает снег, река очистится ото льда, и на пригретой земле появится первая травка, на высоком чистом берегу по вечерам собирается молодёжь и устраивает там нехитрые игры и развлечения. Эти первые весенние гуляния особенно приятны и радостны после долгой холодной зимы. Посмотреть на них приходят взрослые и дети. Лёнька и его товарищи, как обычно, оказались здесь. Мыслимое ли дело — они будут сидеть дома в то время, как на берегу играет гармошка и поют песни.

Лёньку, как всякого здорового мальчишку, вечером не уложишь, а утром не разбудишь. Вот и сегодня он крутился под ногами у танцующих. Поздно вечером закончились игры, смолкли песни, гармошка издала последний звук. Парни и девушки, припугнув своих младших братишек, разогнали их по домам, а сами, как по уговору, разошлись в разные стороны. Лёнька пошёл домой. Как только его ум отключился от дневной карусели, мальчик почувствовал страшную усталость, тяжесть в теле и, казалось, что он не в состоянии добраться до дома.

В углу, за печкой, на скрипучей деревянной кровати ворочался дед Никита. Лёнька достал из-под столешницы кринку молока, налил полную кружку, выпил без передышки, поднял рубаху, погладил рукой живот, и ему стало легче. Перелез осторожно через дедушку к стене, устроился поудобнее.

Дедушка подождал, пока Лёнька уснет, и вышел в огород. Черный Султан встал навстречу, потянулся, выставив передние лапы, и, положив на них голову, взвизгнул тихонько, лизнул шершавую руку старика. Через дорогу на скамейке под рябиной сидели, прижавшись друг к другу, парень и девушка. «Шли бы спать, — подумал дед, — завтра рано вставать», — и стал мять висящую на жерди высохшую портянку. Снял с кола рыбацкий бредень, поправил стоптанный сухой задник, повесил на место, сел на ступеньку. Султан улёгся в ногах.

Ночь тихая. Светло и свежо. Небо на северо-западе розовое от неугасающей вечерней зари, а на северо-востоке утренняя заря уже готова принять, как эстафету, животворящий свет солнца. Высоко в небе, нарушая радостными криками тишину, тянулись последние караваны гусей и казарок, со свистом проносились быстрокрылые стайки уток, как будто боясь опоздать.

Лёнька повернулся на другой бок, открыл глаза — дедушки нет. Он вышел на крыльцо, сел рядышком, натянул рубаху на колени, подтолкнул штаны под пятки, прижался. А гуси летят и летят на север.

— Дедушка, Расскажи: куда летят гуси?

Старик положил руку на Лёнькино плечо, прижал тихонько.

— Гуси летят домой из жарких стран...

— А почему у них дом здесь, а не там, где жарко?

— У нас хоть и не жарко, а здесь их родина. Здесь они несут яйца, выводят птенцов, поднимают их на крыло, а осенью улетают.

— А там, в жарких странах, утки тоже выводят утят?

— Нет, там они живут мало, только когда у нас самое холодное время. Здесь они проводят половину года, а потом долго летят. Они, птицы, чувствуют, когда им надо улетать.

Лёнька дрожит от ночной свежести. Дедушка снял с калитки одежонку, накинул на него и на себя. Стало теплее. Старик и сам толком не знал причин этого закона природы и объяснял внуку, как умел.

— А ночи там такие же светлые, как у нас?

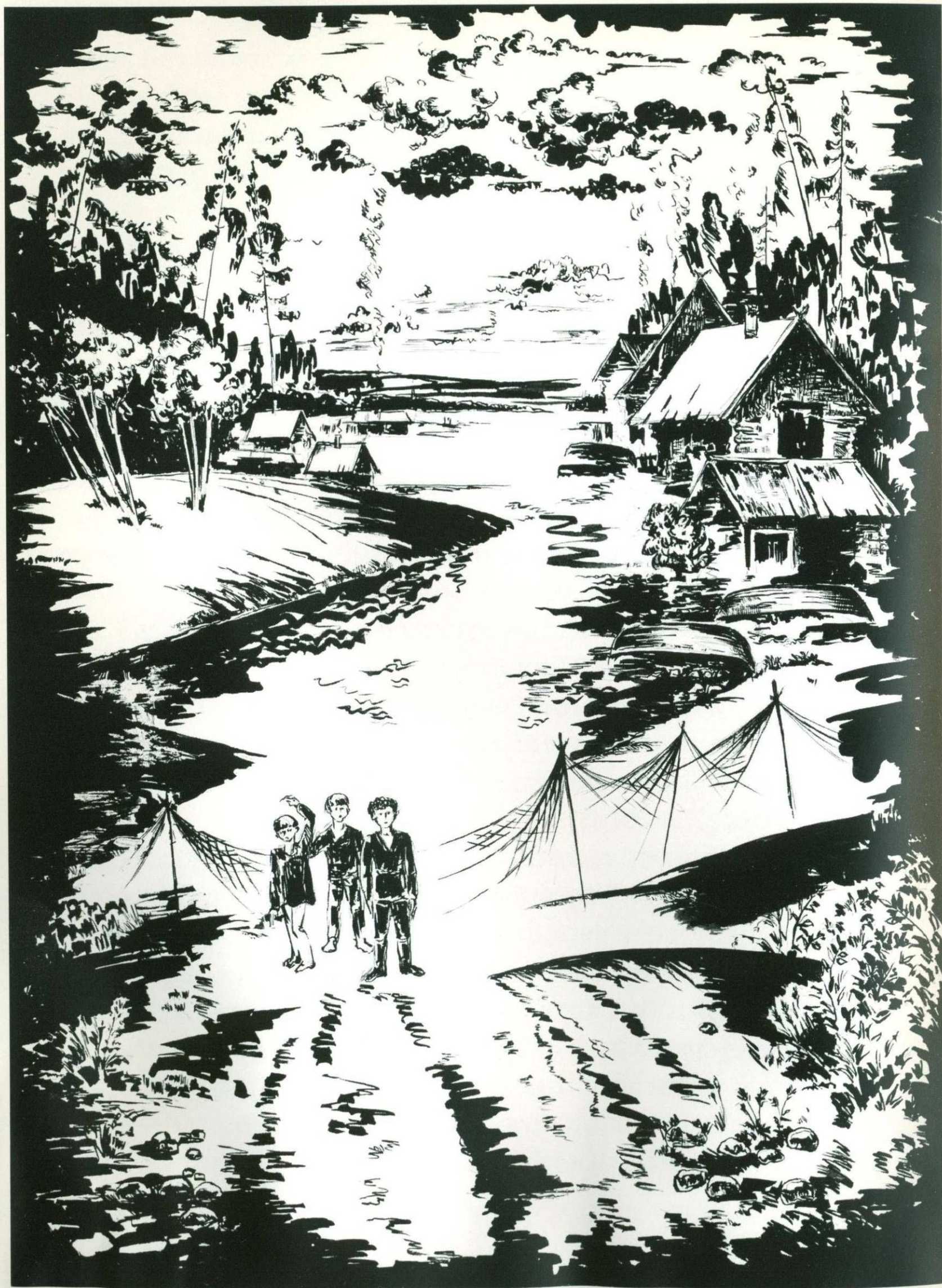
— Не бывал я, Лёнушко, там, — старик показал рукой в ту сторону, откуда летят гуси, — но, говорят, ночи там тёплые, долгие, темнее наших.

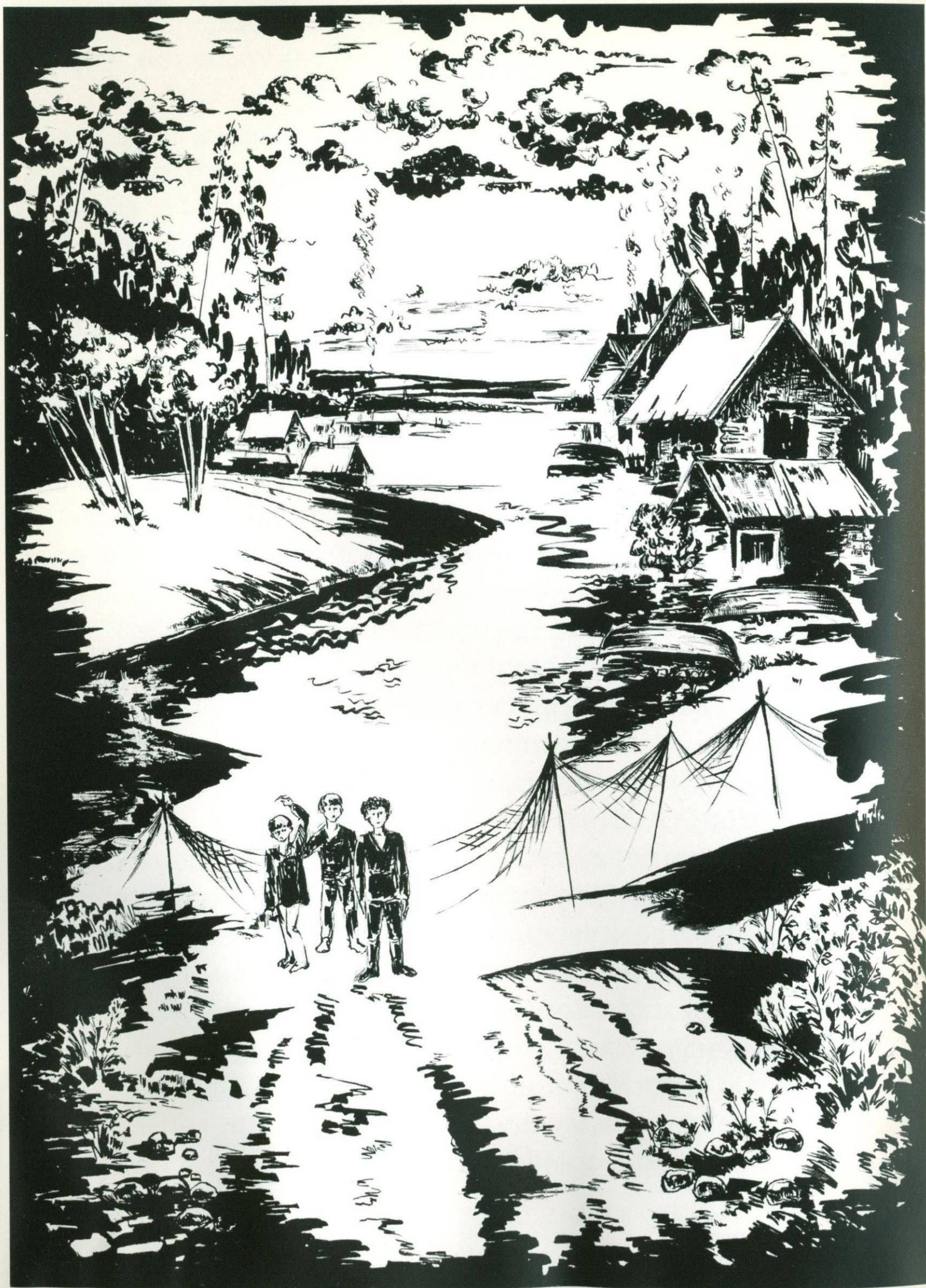
Стало совсем холодно. Лёнька плотнее прижался к дедушке.

— Спать пора, а то утром мать тебя не добудится.

Во сне Лёнька видел жаркие страны. В голове рождались фантастические видения, сменяясь одно другим. Его мозг восстанавливал в невероятных формах (без начала и без конца) всё, о чём он думал, слушая рассказ дедушки.

Из окна своей избы он попадал в воробья, копающегося в навозной куче на середине улицы. Лучше его никто не умел делать луки и стрелы — тонкие, длинные, прямые, с оперением на заднем конце и утолщением на переднем, куда вставлялся наконечник, сделанный из гвоздя.

Лучше Мишки никто не умел ловить рыбу удочкой. Он вытаскивал больших окуней во время ветра без поплавка, наощупь. Никто другой лучше его не умел насадить червяка на крючок.

Костя, мальчик постарше, не раз удивлял друзей способностью на выдумки. Однажды смастерил гребное колесо, с помощью которого лодка могла двигаться по воде. Пусть тихо, зато интересно.

Лёнька любил лес в любое время года, находя там величайшее удовольствие. В лес друзья ходили вместе, а если кто-нибудь оставался дома, так только потому, что мать не отпускала или отец находил работу. Когда к ним приставали другие ребята и просили взять с собой, неразлучные друзья брали двух-трёх покрепче. Маленьких не брали — боялись потерять. Кроме того, малыши быстро уставали, начинали плакать, приходилось раньше возвращаться домой. Так произошло и в очередной раз:

— Костя, возьмите меня с собой, я не отстану!

— Не возьмём. Ты не умеешь по деревьям лазить и у тебя нет лука.

— Я умею лазить по деревьям, возьмите меня...

— Не возьмём. Ты боишься бегать босиком по лесу.

А Федя тем временем показывал искусство стрельбы из лука, явно рисуясь перед малышами. Стрелы

действительно летели очень высоко, а все завидовали и восхищались. Федя, не торопясь, взял стрелу, натянул тугой шнур и пустил её вдоль улицы. Стрела впилась в бок Агафьиной коровы, которая невозмутимо лежала на дороге, тяжело отдуваясь и пережёвывая жвачку. Корова вскочила, побежала. Все покатались со смеху.

— Эх ты, стрелок, в корову попал!

— А я нарочно в неё попал, чтобы вас посмешить.

— Ну, уж нарочно. Просто случайно!

— Нет, нарочно, ведь она же большая. И я знаю, что корову стрелой не убьёшь, она ведь не воробей, — оправдывался немного смущённый Федя.

— Он в бурундука на сосне попадает, — вступился за друга Лёнька.

— Он и кротов убивает весной на плавучих валежинах. Знаете, как интересно — дух замирает, — поддержал Миша.

А Федя, довольный, что его защитили, ещё более самоуверенно заявил:

— Сегодня я зайчонка и дятла подстрелю обязательно, вот посмотрите.

Этими словами он окончательно распалил малышей. Лёнька стал их успокаивать, уговаривать.

— Мы пойдём далеко и проходим до вечера, вам будет тяжело. Когда я был маленьким, меня тоже не брали.

— Вот выискался большой...

— Колька и Ванька, за нами! — крикнул Костя. Все бросились в переулок и направились к лесу.

— Знаете, ребята, мелюзгу да растяп лучше не брать. С ними никакого интереса, одна маята, — на-

чал разговор Костя, когда добежали до леса и отдышались.

— Верно, нам и так мало осталось играть, а меня ещё мама не пускает, велит за Сенькой смотреть.

— Много вы весной играли, — серьёзным тоном продолжил разговор Лёнька, — навоз возили, борошили да картошку садили, а скоро покос начнётся, копны возить заставят, мошкара заест, проклятая.

Колька и Ванька шли молча, боялись сказать что-нибудь невпопад, чтобы их не прогнали обратно.

Деловой разговор продолжался недолго. Слишком много интересного в лесу.

Федька решил во что бы то ни стало застрелить зайчонка и тем самым закрепить за собой славу непревзойдённого стрелка из лука. Лёнька не мог пропустить ни одного гнезда. Он лез на дерево так быстро, что приходилось только завидовать. Обхватив заскоруждыми подошвами дерево, он упирался во всякую неровность, выбрасывал руки высоко вверх по стволу, потом подтягивался. Но в этот раз Лёнька только ухватился руками за первый сухой сучок, как услышал внизу дружный крик: «Заяц! Заяц!» Он заторопился, сучок отломился, и Лёнька полетел вниз. Сильно ушибся, о шершавую кору старой осины ободрал себе брюхо, руки, ноги. Долго лежал, корчась от боли, но думал не об этом, а о том, что не смог принять участие в охоте на зайчонка.

Трусишка, испугнутый дружной ватагой, выскочил из-под куста и был сразу всеми замечен. В несколько прыжков он был уже за пределами досягаемости Федькиной стрелы. Однако тот недолго думая оттянул тетиву и пустил стрелу.

С криками «Ранил! Ранил!» все бросились за серым комочком. Обшарили кусты и ямки, но зайца не нашли. Возбуждённые таким редким событием, споря и обсуждая случившееся, подошли к Лёньке, который сидел на земле и складывал на животе две половинки порванной рубахи.

— Я как дал ему в зад, так он даже подпрыгнул, — хвастал разгорячённый Федька.

— Да он прыгнул через валежину, а ты думал...

— Замолчи, Ванька, я попал в него. Ты видел, как он прыгал боком, — наступал Федька.

— Так они же, зайцы, всегда так прыгают, — робко вмешался Колька.

— Колька, я тебя больше никогда не возьму с собой.

— Федя, врешь! Ты же стрелял, когда зайчонок был уже далеко...

— Ванька, если ты скажешь это в деревне, я тебя отлуплю и в другой раз не возьму.

— Федя, твоя стрела воткнулась в гнилушку. От зайчонка, что ли, она отскочила?

— Колька, я сниму с тебя штаны и посажу в шиповник, и всем расскажу, что ты трус. Мне все поверят, а тебе — никто.

— Ну, уж ладно, скажу, что ранил.

Ребята стояли и улыбались, слушая этот разговор.

Вечером Колька и Ванька рассказывали деревенским ребятишкам о том, что Федька подстрелил зайчишку, а наш герой, довольный, ходил и наблюдал, как десятки глаз с завистью смотрят на него.

На рыбалке

Приближалась варовая пора, когда вода, простояв на лугах время, необходимое для откорма рыбы, должна пойти на убыль.

Солнце клонилось к вечеру. Дедушка Никита с Лёнькой вытрясли просушенные сети, собрали их, скрутили каждую жгутом, аккуратно уложили в мешок. Дедушка приготовил котелок, ложки, кружки, хлеб, соль. А Лёнька достал из погреба картошку, нарвал в огороде пучок зелёного лука. Все это сложили в кузовок и направились к берегу. На боку у Лёньки, как у взрослого, висел охотничий нож — гордость любого рыбака и охотника.

Под лодкой лежали вёсла, тычки, поплавки и грузила, которые называли кибасья. Спустили лодку на воду, уложили снасти. Старик посмотрел на мерку. Вода второй день стояла на одном уровне, значит, скоро тронется на убыль.

Тут же, в воде, булькались ребятишки, посинев от купания. Ванька прыгал на одной ноге, приложив ладонь к уху, выливал воду.

Лёнька чувствовал себя героем: он ехал с дедуш-

кой на рыбалку с ночёвкой. А рыбу будут ловить не удочкой, а сетями.

Вода на реке не шелохнётся. Вечернее солнце светит нежно и ласково. На душе благодать. Сверху доносится поскрипывание вёсел и всплеск воды, так знакомый в этих местах. Звук по воде слышен далеко и отчётливо.

— В Кривом Плёсе едут...

— Дедушка, а река на середине глубокая?

— Мери́л её Иван Хромой давным-давно, да не пришёл домой, не сказал.

Над водой носились стрижи, ловили мошек. Лодку относило вниз. Вскоре рыбаки достигли противоположного берега, поросшего тальником. Вода в этом году была высокая, луга на несколько километров были затоплены. Над затопленным камышовым озером носились черноголовые чайки с пронзительным криком «Кирр! Кирр!» и время от времени стрелой падали в воду. Над широким лугом медленно проплывали крупные чайки-халеи (мартыны), поворачивая свои хищные головы вправо и влево.

— Дедушка, правда, что халей переваривает удочку?

— Прожорливые они. Много рыбы портят.

— А удочку переваривает?

— Нет. Так говорят потому, что птица прожорливая.

Под лодкой в воде стало видно траву. Местами она густо выступала на поверхность. По верхушкам кустарников угадывались берега луговых речушек (источков), пересыхающих во второй половине лета. Дедушка мерил глубину, опуская весло в воду по самую рукоятку. Глубоко, дна нет.

Слева на песчаном мысу острова, в стороне от подруг, одиноко стоит старая сосна с обрубленными сучками. Только на самой вершине оставлена шапка, поэтому сосна так и называется — «шапка». Под сосной стоят годовалые бычки, вывезенные из деревни на время половодья. Они отмахиваются хвостами от комаров, которых к вечеру становится особенно много. Некоторые бычки зашли в воду и захватывают языками мягкую сочную траву.

Приближались к Осиновой Гриве. Там места повыше, берега суше, трава в воде густая, высокая, течение слабое, а в тупиках совсем тихо. Место глухое, для рыбы удобное.

— Приехали. Здесь и будем ставить сети.

— Дедушка, а как ты знаешь, в каком месте надо ставить сети?

— А вот, смотри, — тупичок. У берегов трава выходит из воды, а на серёдке чисто, вот мы его и перекроем.

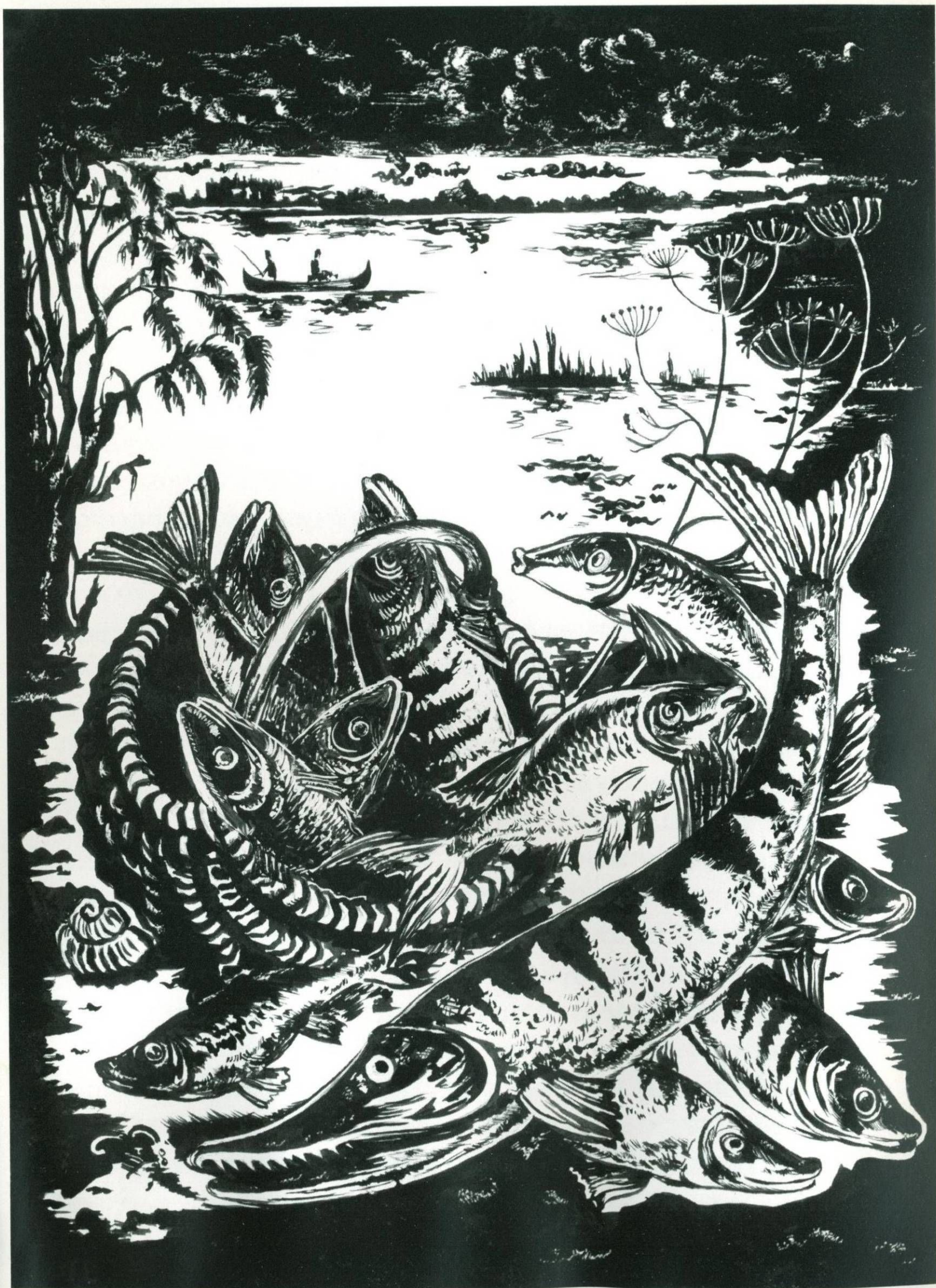
Старик осмотрелся вокруг, порылся в мешке, подбирая подходящую по длине сеть, подъехал к кромке густой травы, воткнул тычку, стал распускать сеть. Лёнька потихоньку опускал вёсла в воду. Дедушка через одинаковые промежутки привязывал поплавки и кибасы (грузило). Сеть легла ровно, красиво, свободно. Четыре поплавок торчали из воды.

— А сейчас вон туда поедem, где хорошая прогалина.

— Ведь там же никакого тупика нет, кругом вода и трава.

— Видишь, Лёня, трава стоит прямо, значит, быстре́ди нет. В этой траве рыба днём кормится, а но-

чью выходит погулять на чистое место. Мы её тут и поймаем.

Дедушка быстро и ловко перекрыл сетью длинную прогалину.

К заходу солнца поставили шесть сетей.

— Хватит, — сказал дедушка, — зачем рыбу портить. Сейчас поедем уху варить.

— Дедушка, у нас и рыбы-то ещё нет.

— Поедем-ка, первую сетку посмотрим, может, хватит на уху. На закате рыба ходить начинает. Самый лов.

Лодка медленно, без стука плывёт в первый тупик. По воде беззвучно и плавно расходятся круги.

— Дедушка, почему по воде круги идут?

— Это рыба плавится. Сейчас она выходит на прогулку, резвится.

Подъехали к первой сети. Дед тихонько потянул за тетиву, первый и третий поплавки зашевелились.

— Давай, Лёня, вынимай первую рыбину.

Лёнька взял тетиву, стал выбирать полотно сети.

У поверхности воды показался большой язь. Мальчик торопливо потянул сеть вверх. Язь уже показался над водой, но не успел Лёня затянуть его в лодку, как он выскользнул и, не торопясь, ушёл в глубину. Слезы брызнули из глаз от досады.

— Не беда. Он нам ещё попадётся. Смотри, как надо его вынимать.

Дедушка перебрался по сети немного вперёд. В воде опять показалась тёмная спина язя, от которого Лёнька не отрывал глаз. Дедушка тем временем спокойно подвёл сеть к поверхности, запустил руку поглубже и, как из мешка, вытащил рыбину. У Лёнь-

ки от радости блестели влажные глаза. Следующего язя дед взял в воде за жабры и поднял опять в лодку.

— Сейчас рыба спокойная, воткнулась в сеть и стоит, не запутывается. А вот на выходе из сора она беспокоится, торопится, боится, что река обмелеет. Щука, та всегда запутывается, рвёт сети зубами.

Подъехали к небольшому островку. На воде светло, а сама вода тёмная. В лесу тоже темно, потрескивают сухие ветки, в траве что-то булькает, гудят комары, пахнет сыростью, прелыми листьями. Лёнька боится, жмётся к деду. А дедушка собрал сухих сосновых сучьев, соорудил таганок, развёл огонь. Очистил в лодке на беседке рыбу, помыл, нарезал картошки, всё запустил в котелок, посолил.

От яркого пламени костра в лесу стало ещё темнее. Лёнька сидит у костра и хлещет себя по лицу, по шее, по голым ногам — его донимают комары.

Уха кипит. Дедушка берёт котелок за дужку и несколько раз поворачивает, чтобы не пригорела рыба. Опалённые огнём комары валяются в котёл.

— Дедушка, а медведи в лесу есть?

— Какие здесь медведи, они в тайге.

— А почему здесь комары зелёные?

— Они из травы соки сосут, как кровь, вот поэтому и зелёные.

Лёнька боится и незаметно поглядывает назад. Ему кажется, что медведь стоит за ним и непременно схватит.

Изредка тишину нарушают пугающие звуки ночных птиц. Почти над головой что-то захлопало крыльями, с дерева метнулась тень большой птицы и исчезла в темноте.

— Что это?

— Сова. Она днём спит, а ночью ловит мышей.

Дедушка накрошил на весле зелёного лука, засыпал в котёл. Уха готова. Она получилась очень вкусная, и рыбаки поели её с аппетитом.

— Дедушка, расскажи, почему летом так тепло и хорошо, а зимой холодно и ночи длинные?

— Осенью, Лёня, в деревне откроют школу, пойдёшь учиться, всё узнаешь и мне расскажешь.

— Я, наверное, пойду сразу во второй класс. Я ведь умею читать. Прочитаю учителю книжку, он и примет меня.

— Верно, Лёня, ты — умница.

— Я буду учиться хорошо и всё тебе рассказывать. По вечерам вместе будем читать книжки.

Лёнька уснул. Ночь коротка. Через два часа надо просматривать и снимать сети. Дед сидит у костра, подбрасывает дрова и отгоняет от внука комаров. Облезлая шапка равномерно покачивается на его голове.

На северо-востоке разгорается заря. Она быстро заполняет чуть ли не полнеба. В лесу рассеялась темнота. Стало совсем светло. Большое багровое солнце поднялось из воды. Защебетали птицы. К сетям потянулись халеи. Дед собрал провизию, сложил в лодку. Разбудил Лёньку. Тот замёрз, хочет спать, трёт глаза, даже на миг пожалел, что поехал на рыбалку. Как сладко спал бы сейчас дома!

— Дедушка, смотри, смотри, что-то в сеть попало и крыльями машет!

— Это утка.

— Мы её вытащим и живую домой увезём. Я буду её кормить.

— Её сейчас брать нельзя.

— Почему нельзя? Давай возьмём, я ребятам покажу.

— Она тощая, лететь не может.

— Так мы же её откормим.

— Всё равно она у тебя пропадёт.

— Не пропадёт. Я буду приносить ей воду и траву.

— Она парит, сидит на яйцах, с гнезда уходит раз в день, рано утром. Если мы её возьмем, то погубим утку и утят, которых она высиживает. А как выведет, мы тогда поймаем живого утёнка и вырастим его.

Дедушка поднял сеть. Утка ныряла, вырывалась. Он долго и осторожно выпутывал её. Лёнька не отрывал глаз.

— На, поддержи. Только не отпусти.

Лёнька радёхонек, гладит утку, расправляет перья, щупает клювик. Утка хочет клюнуть Лёньку в палец. Глаза у неё часто-часто закрываются и открываются, и в них как будто что-то мелькает. Дедушка взял утку, ещё раз погладил и отпустил. Утка нырнула, а где вынырнула — Лёнька не видел. Должно быть, где-то в траве. Сердце Лёньки переполнено радостью. Он уже видит кучу ребят и слышит свой рассказ про рыбалку и про утку, которую они с дедушкой освободили из сети и отпустили.

Поплавки играют, в воде отсвечивают бока крупных рыб. В лодке затрепетали живые язи, окуни, караси, поблёскивая на солнце серебристой и золотистой чешуёй.

— Зачем нам снимать сети? Давай оставим на день, больше рыбы попадёт.

— Днём рыба не ходит, кормится в траве. А сеть в

тёплой воде гниёт, покрывается илом. В такую сеть и ночью рыба не попадёт.

Дедушка снял сети, прополоскал в воде, отжал, уложил в лодку. Приехали домой. Солнце уже высоко. Женщины пришли к реке за водой. В деревне мычали коровы, слышался залиvistый крик петухов.

Лёнькина мать поджидала рыбаков. Пришла за рыбой с двумя корзинами на коромысле. Обнимает сына, а он радуется, что отца с матерью и сестрёнок накормит свежей рыбой, в добыче которой есть и его участие.

Лёнька доволен поездкой. За одну ночь он узнал много интересного, будет о чём рассказать товарищам.

Опасный след

Лёнька вторую зиму ходил в школу. Он оказался очень способным учеником, легко запоминал то, что рассказывал учитель. Стишки Лёнька заучивал необыкновенно легко и быстро, с первого прослушивания или прочтения. А задачи решал каким-то особенным способом: в голове у него моментально возникал ответ, потом уж он мог объяснить, как решил.

По вечерам, когда стемнеет, Лёнька играет в прятки с друзьями вокруг дома, у конюшни, на сеновале, среди поленниц дров. Они катаются на лыжах и на санках с высокого крутого берега реки.

Но особенной страстью была охота, и Лёнька отдавал ей всё своё свободное время.

Бывало, летом, когда взрослые шли на покос или возвращались потом домой, он, захватив ружьишко и неразлучного Султана, убегал вперед. Но на место приходил вовремя, а за поясом уже висели две-три утки. Осенью и зимой, в то время, как его товарищи, придя из школы, бегали по деревне с клюшками и гоняли навозные шарики, он, наскоро пообедав и перекинув через плечо мешок, становился на лыжи и уходил в лес.

Родители не запрещали ему ходить одному на охоту. Они считали, что мальчику полезно находиться в лесу, на воздухе. Он от этого будет только здоровее и крепче, к тому же приносит домой куропаток и зайцев.

Зимние дни на Севере коротки. После школы далеко не уйдёшь, поэтому Лёнька ходил ставить петли на куропаток в ближние тальники и осинники.

Какое волнующее чувство охватывает охотника, когда он добывает птицу или зверя! Но также одни только охотники и знают, что как удача, так и неудача порождают новое желание и стремление непременно добиться успеха. Это желание настолько захватило Лёньку, что он часто видел во сне свои охотничьи уголья, расставленные ловушки, трепещущих куропаток и зайцев.

Лёнька многому научился. Он знает, как скрутить из конского волоса тонкую, прочную петлю; как вырвать волос из хвоста чужой лошади остановившегося в деревне обоза. У своей лошади хвост поредел, да и кобыла рыжая, а петлю на куропатку лучше делать белую, под цвет снега. Лёнька знает, как отрубить конец старого стального троса и как отжечь его, чтобы петля была мягкой и свободно затягивалась на заячьей шее. Он умеет выбрать наиболее подходящее место на тропе для петли. И знает, что перед тем, как поставить, её надо потереть об осину, чтобы петля не имела посторонних запахов. Заяц хоть и косой, но чутьё у него хорошее.

Водно из воскресений в начале зимы старший брат взял Лёньку с собой на охоту и дал три капкана.

Когда вышли за огороды, брат сказал Лёньке:

— Я пойду к Боркам, а ты дальше Осиновой Гривы не ходи.

— А если след поведёт дальше, не бросать же его. Так я ни одного капканчика не поставлю.

— А ты иди по тем следам, которые к дому ведут. Да пораньше приходи.

— Ладно, не маленький, сам знаю, куда идти.

— А как же ты проверишь капканы, если далеко уйдёшь?

— На другое воскресенье схожу.

— До воскресенья сороки да лисицы твою добычу вместе с капканами утащат.

Лёнька призадумался, как же на самом деле быть, и решил:

— Завтра после школы сбегаяю.

— Ладно, я проверю твои капканы.

— А как же ты их найдёшь? — усомнился Лёнька.

— Ты расскажешь, в каком месте поставил, я туда выйду и по твоему следу да по приметам найду.

На том и порешили. Брат повернул налево к Боркам, а Лёнька пошел прямо. Дойдя до своего осинника, Лёнька проверил петли. В одной был заяц. Вытащил его из петли, перевязал верёвочкой передние и задние лапки, перекинул через плечо вниз головой, чтоб не мешал идти по лесу. Лёнька шёл и радовался тому, что впереди целый день и можно ещё выследить ценного зверька.

Пройдя осинник, он наткнулся на след горностая. След совершенно свежий: под утро прошёл снежок, а этот след не был даже припорошен. Лёньку охватило предчувствие неопровержимого успеха. Зашагал быстрее, а в мозгу сверлило: «Близко, близко». Он уже представлял, где мог спрятаться на день горностай: под корнями старой талины или в дупле осинового ва-

лежины, или в кочках. А след шёл всё дальше. Вот уже и Рябиновая Грива позади, и Кривое озеро слева осталось, а след уходит в глубь леса. Местами он делает петли, уходит под снег и снова выходит. Лёнька понял, что здесь горностай ловил мышей. Стоит на этом месте сделать круг, и всё станет ясно: если из круга нет выхода, значит, горностай остался здесь на днёвку, и надо его искать в этом месте. Но сейчас след уходил в сторону Рябинового острова. Вот и Ключевое озеро.

«Сколько же километров я уже прошёл? — подумал Лёнька. — Наверное, около шести».

Лёнька, идя по следу, вышел на лёд. Стало легко: под ногами не торчит валежник, ноги не подвёртываются на кочках.

«Уже, наверное, близко», — успокаивает себя Лёнька и быстрее идёт вперед.

И вдруг он оказался в воде. Лёнька тут же раскинул руки в стороны. Лёд на озере был уже крепкий, но там, где со дна бил ключ, образовалась тонкая корочка. Под ногами нет никакой опоры. Пытается мальчишка выбраться на лёд, но опять обваливается в воду вместе со снегом. Теперь уже он не достает руками противоположных краёв. Пальтишко намокло, валенки полны воды, заяц висит на плече — попробуй, сбрось его, когда руками надо держаться за лёд. В голове проносится мысль: «Утону, и никто не узнает в каком месте. Когда хватятся, начнут искать, по следу, наверное, найдут, но ведь я тогда уже утону».

Холодная вода обжигает тело, заоченели руки. Слезы брызнули из глаз от обиды за такую глупую смерть.

Лёнька с трудом держится за мокрый снег на краю проруби. Опять попытался выбраться на лёд, но заяц сполз на живот, упирается в кромку льда. Лёнька хочет ударить ногами по воде, как при плавании, но тяжёлые валенки не поднимаются, мокрый снег связывает ноги. Изо всей силы пытается поднять правую ногу наверх, но тонкий лёд обламывается, и Лёнька с головой уходит в воду. Казалось, конец. Обессиленными и онемевшими руками ещё раз зацепился за кромку: нельзя же так просто опуститься и пойти под лёд.

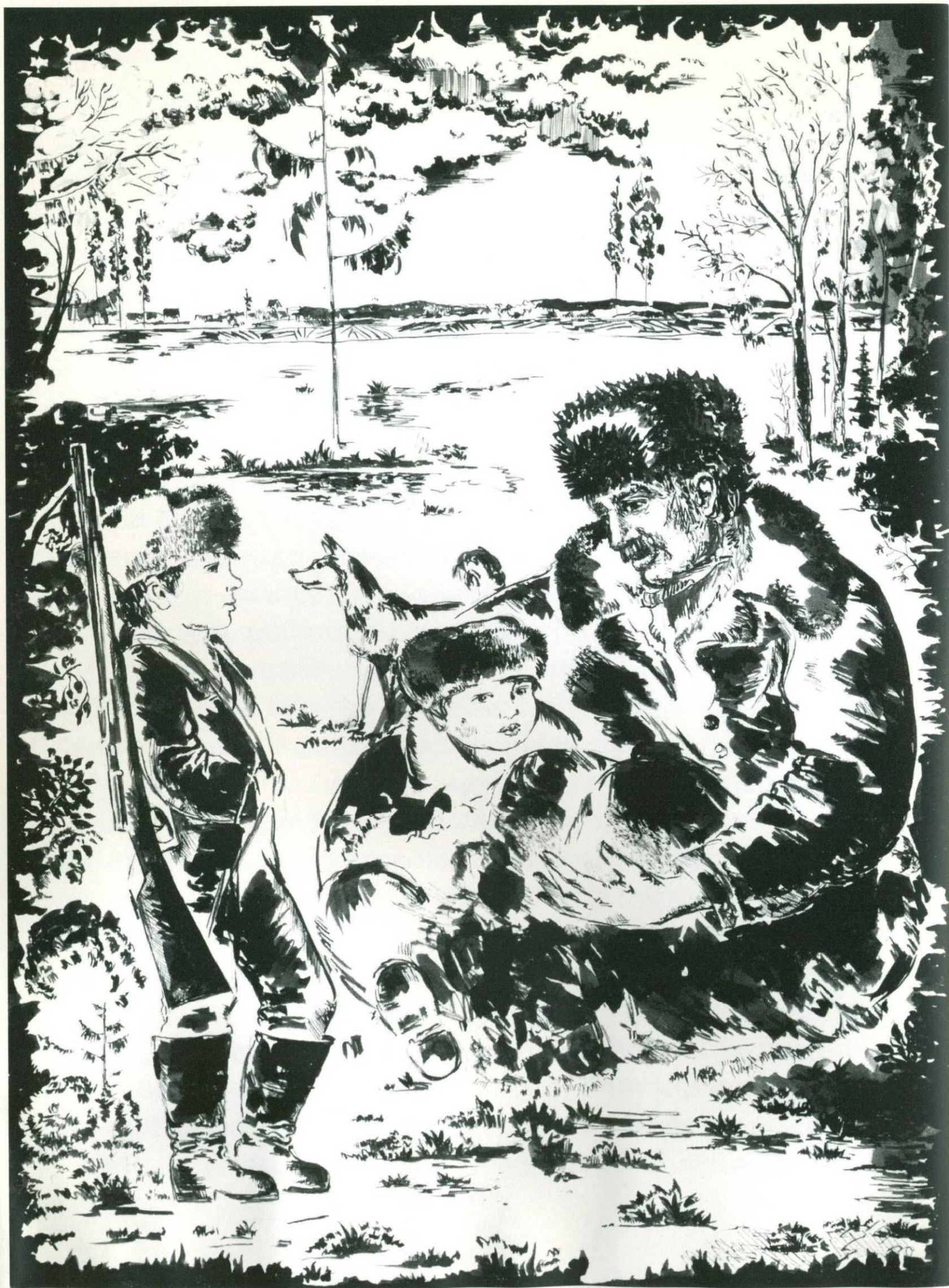
Ещё раз пытается Лёнька выбраться. Дальше от центра проруби лёд был крепче и поддержал последнее усилие мальчика. Мысль работает: чтобы не обвалиться ещё раз, надо не вставать на ноги, а откатиться по снегу в сторону. Лежать нельзя, можно замёрзнуть. Лёнька с трудом встал, он был похож сейчас на снежный ком. Осторожно обошёл зияющую дыру, вышел по своему следу на берег. Отмял, сколько мог, застывшее пальтишко. Мокрую шапку, рукавицы и валенки сковал мороз.

«В таком виде до дому буду добираться больше двух часов, — подумал Лёнька. — Надо выходить на санную дорогу, по ней легче и быстрее бежать, а может, кто и подвезёт».

Лёнька принял такое решение и пошёл, но зайца не бросил.

Когда Лёнька пришёл в таком виде домой, он произвёл переполох. Его уже ждали, беспокоились. Так неудачно и опасно закончился этот поход. Но Лёнька не отказался от охотничьей страсти.

Охота пуще неволи

Лёнька подрастал. Он учился уже в четвёртом классе, и шёл ему двенадцатый год. Закончилась первая учебная четверть. Впереди целая неделя свободного времени.

Лёнька с братом собирались на охоту. Васе — пятнадцать лет. Он уже был настоящим охотником: ловил колонков, лисиц и однажды поймал песца. Братья уходили на четыре дня. Взяли хлеба и соли, крупы и спичек. В бутылку насыпали пороху, в другую — пистонов. Плотно её закрыли, чтобы не попала сырость. Продукты и охотничьи принадлежности уложили в мешок. Отец сидел на лавке, вытаскивал из хомута старый ременный гуж и давал указания мальчишкам:

— Собак берите всех. Там и узнаете, какую оставить для охоты. Здесь они только едят да попусту лают. Поймите, какая на что годится. Если в какой будет толк, Дамка научит. Она собака умная, осторожная, зря не тявкнет.

Мать, проверяя мешок с припасами, давала свои особые советы:

— Будет тебе про собак-то, хоть бы путное что ска-

зал. Вы поосторожней в лесу-то, ходите вместе, стреляйте по очереди, да друг друга не перебейте...

— Мешок с хлебом на столе не оставляйте — мыши съедят, подвешивайте под потолок. Уходить будете, двери приставляйте колом, — посоветовал отец.

— Взяли бы ещё хлеба-то, — беспокоилась мать.

— Хватит им на неделю. В лесу дичи много — убьют. Косачи, рябчики, по дороге — куропатки. Какой щенок не испугается выстрела, тому дайте понюхать беличьи лапки.

— Котелок переворачивайте кверху дном, чтобы погань не лезла.

— Будете уходить домой — оставьте в избушке побольше сухих дров.

— Вася, присматривай за Лёнькой, не отпускай его далеко от себя.

Утром чуть свет поднялись охотники. Отец сам проверил ружья, припасы, позвал Дамку, свистнул щенят, бросил им мелкой мороженой рыбы.

Мать, провожая сыновей в дорогу, ещё раз напомнила: «Вася, присматривай за Лёнькой».

За деревней пошли берегом реки. Впереди бежали собаки. Шли мальчики без лыж. В первые дни ноября снега ещё мало. Река боролась с морозом, никак не хотела надевать ледяные оковы на целую зиму, не хотела покориться. Во всю километровую ширину по реке шла шуга, но у берегов уже образовались широкие полосы крепкого льда. Река старалась разломать эти ледяные клещи, билась о забереги, давила на них обломками льда. Но вытесненные льдинки ложились неровным валом, смерзались, укрепляя ледяной припай, с

которым могучая река уже не могла справиться. Мороз наступал, он побеждал. Низко над рекой плыл туман, но и он не мог согреть её своим покрывалом.

Через два часа охотники вышли на берег большой реки, несущей свои воды в могучую Обь. Остановились, осмотрелись, сняли мешки, размяли плечи. В разных местах на замёрзшей реке виднелись полыньи, от них поднимался парок. На другой стороне за тальником и тополями, за гривами, поросшими берёзой и черёмухой, просматривалась тёмная полоса соснового леса.

— Вася, как думаешь, сколько шагов до того берега?

— Будем переходить — посчитай.

— А далеко до места?

— К обеду придём.

Прежде чем спуститься на лёд, покрытый снегом, вырубили тонкую, длинную сырую таловую жердь. Вася потащил её за собой.

— Лёнька, иди за мной, но близко не подходи: лёд тонкий — двоих может не выдержать.

— Вася, смотри, в полынье утка!

— Стой!

— Почему она осталась, ведь все утки давно улетели?

Вася снял ружьё, поманил Дамку, осторожно пошёл к полынье.

— Вася, не утони!

Не оборачиваясь, Василий дал знак рукой: стой и молчи. Прошёл ещё несколько шагов, остановился, опустился на колени, приложил ружьё к плечу. Лёнька замер от страха и радости. Выстрел. Дамка броси-

лась в воду. Один щенок с визгом шарахнулся в сторону, другой вздрогнул и несмело стал приближаться к воде. Утка распустила крылья, но не перевернулась, несколько раз встрепенулась, не поднимая головы из воды. Дамка рывком схватила её и бросилась назад. Выбравшись из воды, она встряхнулась, положила утку у Васиных ног, встала передними лапами ему на грудь, помахивая хвостом.

Выйдя на берег, мальчики осмотрели утку. Под хвостом у неё намерзла льдина величиной с кулак. Возможно, утка была ранена и вовремя не улетела. Чернедь жирный, тяжёлый. Лёнька был в восторге от геройского поступка своего брата.

— Сколько шагов насчитал?

Лёнька от радости забыл про шаги:

— Пойдём домой — посчитаю, тут не до счета было: за тебя боялся.

Двинулись дальше. Щенята бегали по строчкам мышинных следов, нюхали норки, разгребали лапами снег и, не найдя ничего, перебрасывались на другой след. Гоняли в кустарниках розовых куропаток, исследовали в снегу ямки с помётом и возвращались обратно.

К полудню пришли на место. Ещё издали Лёнька заметил охотничью избушку, срубленную из толстых брёвен в восемь рядов. Избушка стояла на высоком месте на берегу речушки среди огромных сосен, со всех сторон затёсанных и исписанных за многие годы охотниками и рыбаками. На верхнем дверном косяке глубоко вырезано «1900». Зарубки и записи давно заплыли янтарной смолой, как будто сосны сами залечивали раны, испуская из богатырского тела лечеб-

ный сок. Некоторые записи были настолько стары, а многолетние наслоения затянули их так, что на стволе были видны только углубления.

За избушкой поднялся мелкий густой лесок. Ближе к берегу речушки — заросли шиповника. Здесь особенно красиво летом. По речке рыба весной спускается на икрометание, а осенью поднимается в таёжные озера, потому и привлекает это место рыбаков.

В избушке с весны никого не было. На нарах в углу кучей лежало старое сено, пахло мышами, углы и окошко затянуты паутиной, железная печка покрылась ржавчиной. Щенята обнюхивали избушку, часто-часто пошевеливая чёрными влажными носиками.

Первым делом надо было навести порядок в избушке, прорубить на речке лёд, набрать воды, заготовить дрова на первую ночь. В таких избушках всегда есть в запасе сухая смолистая лучина и немного дров на первый случай, а потом нужно заготовить да оставить для тех, кто придёт после них. Ребята, распределив обязанности, быстро управились с работой. Вася оттеревил утку, опалил над огнём, распорол, промыл, поставил варить суп. А Лёнька тем временем изучал охотничью летопись на стенах избушки. Чего только он не узнал: кто, в каком году, в какой день заехал на весновку, когда прилетели первые лебеди, когда пронесло лёд и поймали первую рыбу, в каком году весна была тёплая, а в каком холодная. Как это было интересно и занимательно!

Тут и ужин поспел. Ребята поели с аппетитом горячего душистого супа, покормили собак и легли спать. В избушке тепло. Щенята всхлипывали и повизгивали во сне.

Утром первый выход на беличий промысел. Вася с Дамкой уже не раз бывал на охоте за белкой, а Лёнька впервые. Вот уж поистине наука. Дамка обследовала большую площадь, меняла направление, делала круги. А когда находила белку на дереве, облаивала её, и вслед за Дамкой заливались щенята. Вася метким выстрелом снимал зверька, не давая щенятам разорвать его, отрезал лапки и давал каждому, чтобы запомнили беличий запах.

Снег был ещё весь разрисованный узорами следов лесных обитателей. Иногда ребята сами загоняли белку на дерево, и опять повторялось то же. На кедре белку обнаружить труднее, чем на сосне. В густом кедровом лесу на деревьях висят длинные, как бороды, пучки серого волокнистого мха, похожие на беличьи хвосты. На кедрах и елях сучки растут от самого низа, а на соснах — только наверху. Крона сосны светлее, просматривается лучше. Так Лёнька постигал лесную грамоту.

В первый день добыли четыре белки и косача. Вот радость! Вот удача! Будет и ужин, будут и шкурки для сдачи в «Заготпушнину». На пятый день пошли домой, вырезав на память о себе и для сведения другим охотникам: «15 белок, 7 птиц...», дату и свои имена.

Дома мальчишек уже ждали. Глаза Лёньки светились радостью — он тоже убил четыре белки и двух рябчиков. Будет чем поделиться с ребятами и что запомнить на всю жизнь, чтобы в старости рассказывать внукам, каким он сам был в детстве.

Содержание

Любовь к родному краю	2
Школа дедушки Никиты	5
Лёнька и его друзья	11
На рыбалке	17
Опасный след	27
Охота пуще неволи	33

ББК 84 (2Р 53)

П 48

ПОКАЗАНЬЕВ Ф.Я.

П 48 **«Лёнькина наука». Рассказы.** — Сургут: Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз»; 2002 — 40 с. — 10 илл.

ISBN 5-93278-027-4

© Администрация г.Сургута, издание, 2002
© Северо-Сибирское региональное книжное издательство, оригинал-макет, 2002

Флегонт Яковлевич Показаньев

ЛЁНЬКИНА НАУКА

**Рассказы для детей
младшего и среднего школьного возраста**

Оригинал-макет выполнен в компьютерном отделе
Северо-Сибирского регионального книжного издательства

Редактор Л.Цареградская
Художник В.Рожков
Корректор Л.Коробкина

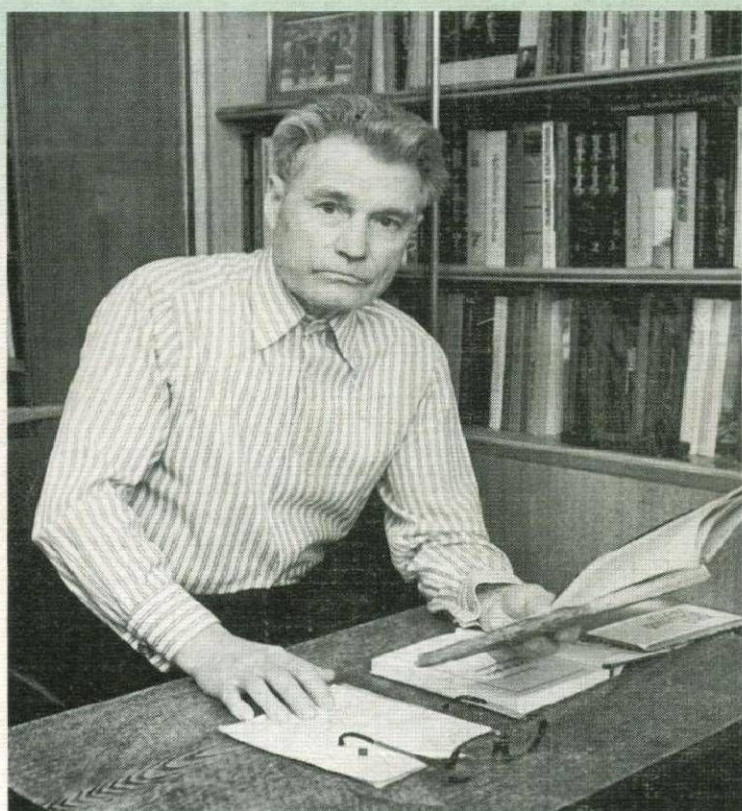
Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья»
ОАО «Сургутнефтегаз»

Лицензия ИД 04570 от 20 апреля 2001 года.

Техническое и художественное редактирование Э.Шимчук
Корректор И.Барканова

Сдано в набор 20.12.2001г. Подписано в печать 10.01.2002г.
Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 2,5. Тираж 1000 экз. Заказ 6386-2001.

Почтовый адрес:
628400, Тюменская область, г.Сургут, ул.Магистральная, 19а.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Флегонт Яковлевич Показаньев свою жизнь посвятил краеведению и организации музейного дела в Сургуте. Он первым начал составлять Книгу памяти сургутян, погибших в годы Великой Отечественной войны, благодаря ему издано несколько публицистических книг по истории Сургута.

Ф.Я.Показаньев – Почетный гражданин Сургута, Заслуженный работник культуры РСФСР, имел правительственные награды. Умер и похоронен в Сургуте в 1996 году в возрасте 74 лет.